
ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 378.4

EDN QCELYQ

DOI 10.29003/m4746.0514-7468.2025_47_3/426-437

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ МЕНЗБИР – РЕКТОР МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Д.И. Чернов*

Статья посвящена деятельности знаменитого зоогеографа и орнитолога М.А. Мензбира в должности ректора Московского университета, которую он занимал в период революционных потрясений 1917–1918 гг. В ней рассматриваются попытки ректора руководить университетом, сохраняя верность принципам академизма в условиях разрухи и ломки всей общественной жизни.

Ключевые слова: университетская автономия, реформа высшей школы, Февральская революция 1917 г., Октябрьская революция 1917 г.

Ссылка для цитирования: Чернов Д.И. Михаил Александрович Мензбир – ректор Московского университета // Жизнь Земли. 2025. Т. 47, № 3. С. 426–437. DOI: 10.29003/m4746.0514-7468.2025_47_3/426-437.

Поступила 04.07.2025 / Принята к публикации 03.09.2025

MIKHAIL A. MENZBIER, RECTOR OF MOSCOW UNIVERSITY

D.I. Chernov, PhD

Lomonosov Moscow State University (Earth Science Museum)

The article is devoted to the activities of the famous zoogeographer and ornithologist M.A. Menzbier as rector of Moscow University, which he headed during the revolutionary upheavals of 1917–1918. It considers the rector's attempts to lead the university while remaining faithful to the principles of academicism in the conditions of destruction and breakdown of all public life.

Keywords: university autonomy, higher education reform, February Revolution of 1917, October Revolution of 1917

For citation: Chernov, D.I., “Mikhail A. Menzbier, Rector of Moscow University”, *Zhizn Zemli* [Life of the Earth] 47, no 3, 426–437 (2025) (in Russ., abstr. in Engl.). DOI: 10.29003/m4746.0514-7468.2025_47_3/426-437.

* Чернов Данила Иванович – к.и.н., инженер 1 кат., Музей земледелия МГУ им. М.В. Ломоносова, anglares.riot@gmail.com, ORCID: 0009-0001-0635-3267.

Введение. В 2025 г. исполняется 170 лет со дня рождения известного зоолога, основоположника российской орнитологии, профессора Московского университета Михаила Александровича Мензбира (**рис. 1**). С Московским университетом связана не только научная и преподавательская деятельность этого учёного. Мензбир являлся его ректором на протяжении недолгого, но исторически переломного периода в 1917–1918 гг. В условиях революционных событий и связанной с ними политизации всей общественной жизни Мензбир пытался по мере возможности отстаивать университетскую автономию и принцип отделения науки от политики. В существующих на данный момент исследованиях, посвящённых биографии Мензбира, основное внимание уделяется его научным заслугам, а его деятельность на посту ректора рассматривается довольно поверхностно [4, 9, 11].

Рис. 1. Михаил Александрович Мензбир. Фото Отто Ренара.
Fig. 1. Mikhail A. Menzbier. Photo by Otto Renard.

М.А. Мензбир родился 23 октября (4 ноября) 1855 г. в небогатой дворянской семье в Туле. В 1874 г., экстерном окончив гимназию, поступил на естественное отделение физико-математического факультета Императорского Московского университета, в 1878 г. окончил его, после чего продолжил работать на факультете. В 1882 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Орнитологическая география Европейской России», в 1886 г. – диссертацию на степень доктора зоологии «Сравнительная остеология пингвинов», ставшую одной из первых работ по сравнительной анатомии позвоночных. В 1887 г. Мензбир стал экстраординарным профессором кафедры зоологии и сравнительной анатомии, в 1898 г. – ординарным профессором. К началу XX в. научные работы Мензбира получили широкое признание и принесли ему славу основателя российской орнитологической школы. Важнейшими из них являются двухтомная монография «Птицы России» (1893–1895) – первая работа по систематике птиц нашей

страны, атлас «Охотничьи и промысловые птицы Европейской России и Северного Кавказа» (1900–1902) и первая полная сводка о фауне птиц всего земного шара («Птицы», 1904–1909). Мензбиром была собрана большая коллекция птиц России, хранящаяся в Зоологическом музее МГУ. Учениками Мензбира являлись биологи Н.К. Кольцов, А.Н. Северцов, С.А. Огнёв, П.П. Сушкин, А.Ф. Котс и другие выдающиеся учёные. Помимо научной и педагогической работы Мензбир занимался организационной деятельностью в Московском университете, с 1901 г. являлся директором основанных по его инициативе Института и Музея сравнительной анатомии [4].

В 1906 г. Мензбир занял должность помощника ректора Московского университета А.А. Мануйлова. В это время университет был охвачен революционными волнениями, занятия часто прерывались, происходили массовые студенческие сходки, не прекратившиеся и после окончания революции 1905–1907 гг. Правительство постепенно усиливало административное и полицейское давление на университет, стремясь пресекать любую политическую активность студенчества. В этих условиях преобладавшие в Учёном совете университета профессора либеральных взглядов, к которым принадлежал и Мензбир, будучи вынуждены пресекать политические выступления, мешающие нормальному ходу учебных занятий, одновременно стремились отстоять полученную в 1905 г. университетскую автономию. В январе 1911 г. министр народного просвещения Л.А. Кассо издал ряд циркуляров, согласно которым любые студенческие собрания запрещались, полиция получала право вторгаться на территорию университета для их предотвращения, а ректору вменялось в обязанность сообщать в полицию о предполагаемых сходках, что являлось грубым нарушением университетской автономии. В знак протеста ректор А.А. Мануйлов, его помощник М.А. Мензбир и проректор П.А. Минаков подали в отставку с административных постов. В ответ на это Кассо уволил их из университета с запретом заниматься преподавательской деятельностью по ведомству народного просвещения, что привело к одному из самых масштабных конфликтов в истории Московского университета, получившему название «дело Кассо» [6]. В знак солидарности с уволенными профессорами из Императорского Московского университета уволилось около 130 преподавателей, что составляло около трети его преподавательского состава. После увольнения из университета Мензбир читал лекции на Московских высших женских курсах и в Народном университете им. А.Л. Шанявского. В 1915 г. был избран президентом Московского общества испытателей природы, членом которого являлся с 1880 г. [4].

После Февральской революции 1917 г. опальные профессора смогли вернуться в Московский университет. Уже 2 (15) марта 1917 г. состоялось заседание его Учёного совета, на котором единогласно было принято постановление о ходатайстве перед Министерством народного просвещения о возвращении в университет всех уволенных в 1911 г., в т. ч. Мензбира¹. Следующее заседание Учёного совета, состоявшееся 22 марта (4 апреля), проходило уже с участием вернувшихся в университет профессоров. Открывая заседание, ректор Московского университета М.К. Любавский заявил: *«Мы, оставшиеся в университете, никогда не сомневались в нравственной стороне побуждений, заставивших наших товарищей оставить университет в 1911 г., ... и если в своё время предпочли пойти своей дорогой, то только вследствие опасений за судьбу родного университета»*. Мензбир от имени вернувшихся профессоров выразил благодарность ректору и всему Совету за *«желание исправить несправедливость, допущенную ... министром Кассо»* [2, с. 190–191]. Вскоре после возвращения Мензбира в

¹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ), ф. 418, оп. 249, д. 112а, л. 54.

Московский университет им была организована лаборатория зоогеографии и сравнительной анатомии [9].

Избрание М.А. Мензбира ректором. 29 апреля (12 мая) 1917 г. в Московском университете состоялись выборы нового ректора. При определении кандидатур были поданы 23 записки с предложением о переизбрании М.К. Любавского и 33 – с предложением кандидатуры Мензбира как имевшего опыт работы в администрации университета в период революционных потрясений. Кандидатура А.А. Мануйлова, занимавшего должность ректора до 1911 г., не рассматривалась в связи с тем, что он занял должность министра народного просвещения Временного правительства и не мог бы совмещать работу на двух столь ответственных постах. Любавский отказался баллотироваться, поэтому выборы ректора прошли на безальтернативной основе; за избрание Мензбира проголосовало 54 члена Совета, 15 – против².

По оглашении результатов голосования Мензбир обратился к коллегам с речью, в которой объявил о намерении руководствоваться в управлении университетом теми же принципами, которых придерживался во время революции 1905–1907 гг.: «В университете не должно быть места политике, так как наука является достоянием всего человечества и не может быть достоянием какой-либо партии... *На втором месте я поставлю принцип широкой автономии высшей школы... в смысле такой формы правления, которая наилучше соответствует интересам науки и научного преподавания...* Наконец, третье основное положение университетской жизни – необходимость организованного студенчества... *организация студентов, объединённых не партийными программами, а чисто академическим интересом... едва ли принесёт что-либо кроме пользы*» [2, с. 192]. По сути, Мензбир декларировал преемственность политики, которой придерживался предыдущий ректор.

Было, однако, очевидно, что в существующих условиях принцип «в университете не должно быть места политике» может быть лишь благим пожеланием. После Февральской революции в университетских аудиториях непрерывно проходили митинги с участием не только студентов и преподавателей, но и сторонней публики, была сформирована студенческая вооружённая милиция, некоторые принадлежавшие университету помещения были заняты воинскими частями под казармы. К моменту избрания Мензбира ректором, однако, удалось достичь некоторых успехов по нормализации обстановки в Московском университете. Учёный совет наладил конструктивный диалог с Советом студенческих депутатов, в составе которого преобладали сторонники кадетов и умеренных социалистов, и достиг соглашения с ним о создании «коалиционного комитета» из представителей профессоров, младших преподавателей и студентов для совместной разработки проекта реформы управления университетом. Нормализации учебной деятельности пыталась препятствовать организация «Студенческий дом», объединявшая студентов леворадикальных взглядов, однако она не пользовалась поддержкой большинства студентов [5, 10, 13].

Ректорская деятельность Мензбира при Временном правительстве. В вопросе о реформе системы управления университетом Мензбир выступал за допущение к заседаниям Учёного совета младших преподавателей, но не студентов (на чём настаивали «Студенческий дом» и другие радикальные сторонники демократизации образования). При этом Мензбир, как и большинство других профессоров, допускал привлечение представителей студенчества к обсуждению дел по распределению стипендий, дисциплинарному суду, рассмотрению уставов студенческих обществ и других вопросов [10].

² Там же. Л. 131.

12 (25) июня 1917 г. представители Совета Московского университета участвовали в созванном Министерством народного просвещения совещании по вопросам высшей школы. По его итогам Временным правительством был принят ряд законов, регулирующих академическую жизнь университетов: об участии приват-доцентов и ассистентов в собраниях факультетов и заседаниях Учёного совета, об участии студентов в комиссиях по распределению стипендий и пособий, о подчинении высших учебных заведений непосредственно Министерству народного просвещения³. 2 (15) сентября состоялось последнее заседание Учёного совета с участием одних профессоров, после которого в его состав вошли выборные представители младших преподавателей от каждого факультета⁴.

Летом–осенью 1917 г., накануне начала нового учебного года, ректор Московского университета неоднократно лично выступал перед студентами каждого факультета для согласования вопросов о формах участия студентов в университетском самоуправлении. Представители «Студенческого дома» выступали против возобновления учебных занятий, настаивая на том, что в существующих условиях университетские аудитории должны использоваться в первую очередь для политической агитации [13]. 30 сентября (13 октября) состоялись переговоры ректора с общим собранием студенческих старост, на котором противники восстановления учебной работы университета оказались в абсолютном меньшинстве: из 1800 присутствующих лишь 16 проголосовали против возобновления занятий и 10 воздержались⁵.

Однако воплотить это решение в жизнь оказалось затруднительно из-за резкого ухудшения материально-финансового положения университета, вызванного послереволюционной разрухой. Ещё в апреле 1917 г. Учёный совет Московского университета ходатайствовал перед Министерством народного просвещения об отпущении дополнительных средств на проведение научных экспериментов⁶. К осени средств стало не хватать уже и на отопление помещений и выплату жалования служащим. В сентябре ректор был вынужден просить у Министерства разрешения увеличить вдвое взимаемую со студентов плату за обучение, а 18 (31) октября Учёный совет принял беспрецедентное решение для выплаты задолженностей по жалованию произвести заём подклад принадлежащих университету процентных бумаг с уплатой из специальных средств университета⁷.

В начале октября серьёзной проблемой, препятствующей работе Московского университета, стали забастовки низших служащих, среди которых получили широкое распространение пробольшевистские настроения. Из них наибольший резонанс вызвала забастовка служащих Ново-Екатерининской больницы и других клиник, где проходили практику студенты медицинского факультета. Она являлась частью широкой забастовочной кампании, организованной большевиками и их союзниками накануне захвата власти. Помимо общего для этих забастовок лозунга «Вся власть Советам!» и выражения недоверия Временному правительству, бастовавшие сотрудники клиник требовали прибавки к жалованию, создания органов общественного контроля над больницей с участием представителей советов и профсоюзов, а также отставки Мензбира с должности ректора Московского университета. Последнее требование вызвало особое возмущение среди членов Учё-

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306, оп. 18, д. 5, л. 6.

⁴ ЦИАМ. Ф. 418, оп. 249, д. 112а, л. 314.

⁵ Там же. Л. 324.

⁶ Там же. Л. 190.

⁷ Там же. Л. 318, 369.

ного совета, охарактеризовавших его как «наглое и нелепое» вмешательство посторонних сил в дела университета⁸.

Враждебность к Мензбиру пробольшевистски настроенных забастовщиков, судя по всему, объяснялась неоднократной демонстрацией поддержки Временного правительства с его стороны. Так, 20 мая (2 июня) состоялась встреча Мензбира с посетившим Московский университет военным министром А.Ф. Керенским, в ходе которой ректор высказался в поддержку создания коалиционного Временного правительства как единственного законного высшего органа государственной власти до созыва Учредительного собрания⁹. Эту же позицию отстаивали представители Московского университета на состоявшемся в августе 1917 г. Всероссийском государственном совещании; при их избрании Учёный совет постановил отправить А.Ф. Керенскому телеграмму со словами поддержки¹⁰.

Сложившаяся в университете тяжёлая обстановка в связи с нарастанием революционного хаоса, забастовками служащих и нехваткой финансовых средств заставила Мензбира 18 (31) октября попросить Учёный совет о своей отставке, однако участники заседания единогласно отклонили это предложение¹¹. Это заседание Учёного совета стало последним накануне захвата власти большевиками.

М.А. Мензбир в дни Октябрьского переворота. 25–26 октября (7–8 ноября) 1917 г., после известия о захвате власти большевиками в Петрограде, в Москве были сформированы большевистский Военно-революционный комитет и лояльный низложенному Временному правительству Комитет общественного спасения. 27 октября (9 ноября), в день начала вооружённого восстания в Москве, состоялось собрание студентов всех факультетов Московского университета, принявшее резолюцию о поддержке Комитета общественного спасения. Была сформирована добровольческая дружина для охраны здания университета, получившая оружие в Александровском военном училище. В последующие дни здания университета неоднократно подвергались обстрелам, вооружённые бои шли в непосредственной близости от них (рис. 2). 2 (15) ноября, в день капитуляции Комитета общественного спасения, здания университета были оставлены студенческой охраной и заняты красногвардейцами. Во время вооружённых боёв погибли или были ранены до 20 студентов [7].

Обо всём этом сообщил Мензбир на первом после захвата власти большевиками заседании Учёного совета Московского университета, состоявшемся 11 (24) ноября. В своём отчёте ректор также сообщил об ущербе, понесённом Московским университетом в ходе боёв (в частности, пострадал основанный Мензбиром Институт сравнительной анатомии – в нём была пробита гранатой стена и уничтожено 6 шкафов с научными препаратами) и предложил почтить минутой молчания память погибших. При этом, рассказывая о положении в университете в начале боёв, Мензбир, чтобы не обострять и так крайне напряжённые отношения администрации университета с новой властью, умолчал о поддержке Советом студенческих депутатов антибольшевистских сил и сообщил, что вооружённая студенческая милиция лишь охраняла здания от «возможных попыток на ограбление со стороны злоумышленников» [7, с. 485].

На этом же заседании Учёного совета была принята резолюция о признании законным органом высшей государственной власти подпольного Временного правительства, организованного в Петрограде остававшимися на свободе министрами

⁸ Там же. Л. 343.

⁹ Там же. Л. 192.

¹⁰ Там же. Л. 306.

¹¹ Там же. Л. 369.

Рис. 2. Повреждённое при обстреле здание Московского университета в ноябре 1917 г. Автор фото неизвестен. Источник: <https://russiainphoto.ru/photos/145970/>

Fig. 2. Building of Moscow University damaged by shelling in November 1917. Photographer unknown.

и товарищами министров. Ректорат университета поддерживал связь с товарищем министра просвещения В.И. Вернадским, пытавшимся исполнять обязанности главы министерства¹². Однако уже 19 ноября (2 декабря) большинство членов подпольного Временного правительства, включая Вернадского, под угрозой ареста были вынуждены покинуть Петроград, а оставшиеся в столице сотрудники Министерства народного просвещения сдали дела Наркомату просвещения во главе с А.В. Луначарским.

28 ноября (11 декабря), в день, на который изначально было запланировано открытие Всероссийского Учредительного собрания, перенесённое затем на январь 1918 г., Мензбир собрал экстренное заседание Совета Московского университета, на котором предложил принять резолюцию по этому поводу. Ректор выступил с речью, посвящённой текущему политическому положению в стране, в которой, в частности, резко негативно оценил большевистский «Декрет о мире», назвав его «заявлением от имени разрушенной экономически и развращённой морально страны об отказе от исполнения лежащих на ней международных обязательств». Мензбир заявил о необходимости противостоять «походу невежественных масс и их вождей против... долгодетных завоеваний науки и культуры»¹³.

В принятой по предложению Мензбира резолюции говорилось: «Совет старейшего русского университета, оставаясь верен своему давнему и твёрдому убеждению в нежелательности внесения политической борьбы в стены высшей школы, тем не менее считает своим академическим и патриотическим долгом возвысить свой голос во дни величайших испытаний и потрясений, выпавших на долю нашего отечества...

¹² ЦИАМ. Л. 370.

¹³ Там же. Л. 387.

В знаменательный день, на который назначен созыв Учредительного собрания, Совет Московского университета считает себя обязанным громко заявить о необходимости воссоздания национально-государственного и культурного единства России, символом которого является Учредительное собрание в своём идеале. Но свою высокую миссию Учредительное собрание сможет осуществить лишь в том случае, если оно... сумеет подняться над классовым, партийным, племенным расколом во имя высшего государственного и культурного единения. С особым ударением Совет старейшего русского университета указывает на необходимость охранять в годину смуты унаследованные от длинного ряда поколений научные и художественные ценности России, поддерживать непрерывность её образовательных и просветительных учреждений»¹⁴.

Ректорская деятельность М.А. Мензбира в первые месяцы советской власти.

Хотя постановление ректора Московского университета о возобновлении учебных занятий, прерванных во время уличных боёв в Москве, было издано уже 9 (22) ноября 1917 г., реализовать его на практике было крайне затруднительно. Обстановка в университете и подведомственных ему учреждениях оставалась крайне напряжённой. На заседаниях Учёного совета, проведённых в ноябре–декабре 1917 г., сообщалось о многочисленных проводимых красногвардейцами обысках, сопровождаемых кражами и грабежами, угрозах реквизиции университетских помещений. В Аудиторном корпусе университета в декабре 1917 г. проводился «военно-областной съезд» (так это мероприятие было названо в протоколе заседания Учёного совета, по-видимому, имелся в виду съезд Московского губернского совета солдатских депутатов)¹⁵.

Часть бастовавших служащих университетских клиник после Октябрьской революции вышла на работу, однако обстановка в клиниках оставалась напряжённой, комитеты служащих продолжали требовать своего участия в административно-хозяйственном управлении. При этом отмечались многочисленные случаи насилия служащих над врачами и преподавателями, в том числе попытки выселения их из квартир при клиниках. На этом основании ректор Московского университета на первом после Октябрьского переворота заседании Учёного совета был вынужден поставить вопрос о временном закрытии Ново-Екатерининской больницы¹⁶. В следующем году эта больница перешла из ведения Московского университета в подчинение Наркомату государственного призрения¹⁷.

Возобновлению нормальной работы университета препятствовало также отсутствие средств для отопления большей части помещений и выплаты задолженностей по жалованию сотрудников. На последнем в 1917 г. заседании Учёного совета, состоявшемся 16 (29) декабря, Мензбир вновь просил об отставке с должности ректора, заявив об «отсутствии сил и здоровья» для работы в столь тяжёлых условиях, но по настоянию коллег был вынужден продолжать руководить университетом¹⁸.

М.А. Мензбир и попытки отстаивать автономию университета. В январе 1918 г. на заседании просветительской секции III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов наркомом просвещения А.В. Луначарским впервые был поставлен вопрос о реформе высшей школы с целью её пролетаризации и пресечения влияния «буржуазной идеологии» на учащуюся молодёжь. Весной 1918 г.

¹⁴ Там же. Л. 389.

¹⁵ Там же. Л. 394.

¹⁶ Там же. Л. 391.

¹⁷ Там же. Ф. 1609, оп. 1, д. 3, л. 18.

¹⁸ Там же. Ф. 418, оп. 249, д. 112а, л. 395.

специальной комиссией Наркомата просвещения под председательством заместителя наркома М.Н. Покровского был разработан проект «Положения о российских университетах». Он предусматривал, в частности, приём в университеты всех желающих без предоставления документов о среднем образовании, упразднение учёных степеней, выборность профессоров на срок не более 5 лет, коллегиальное управление университетами с участием органов студенческого самоуправления и представителей наркомата просвещения. Хотя в состав комиссии входил один представитель профессуры Московского университета (П.К. Штернберг), другие его профессора, включая ректора, не привлекались к обсуждению реформы образования вплоть до созыва Всероссийского совещания высших учебных заведений, состоявшегося в Московском университете 8–13 июля 1918 г. [15]. 9 июля Мензбир выступил на совещании с пространной речью, подвергнув критике проект реформы, изложенный в выступлениях А.В. Луначарского и М.Н. Покровского.

Признавая необходимость демократизации высшей школы, Мензбир отмечал угрозу падения качества университетского образования в случае, если будет разрешён *«наплыв с улицы лиц, жаждущих элементарных знаний»* [8, с. 2]. С особой тревогой Мензбир говорил об угрозе фактического уничтожения университетской автономии в условиях допуска к руководству университетом *«огромного количества лиц, отчасти привыкших, а большую часть совершенно не привыкших к совместной деятельности, из которых добрая половина чужда университету»* [8, с. 4]. Также ректор Московского университета подверг резкой критике положение о необходимости перевыборов профессоров каждые 5 лет, отметив, что это лишает их уверенности в завтрашнем дне и вредно отразится на научной и учебной деятельности. Свою речь ректор завершил словами *«Господа комиссары, вы сказали нам, что хотите построить высшую школу по-новому... но жизнь не позволяет ни вам, ни кому другому стереть то, что написано на страницах истории. Она связала вас своим историческим прошлым, она развалин не признаёт и властно говорит, что не ломкой, а только постепенным улучшением существующего можно создать высшую школу, приспособленную к новым потребностям»* [8, с. 6]. Вскоре после окончания совещания речь Мензбира была опубликована отдельной брошюрой [8].

Большинство выступавших на совещании после Мензбира представителей академической общности и ряд делегатов от студенчества солидаризовались с ректором Московского университета. Подводя итоги совещания, А.В. Луначарский упрекнул Мензбира и его единомышленников в *«слишком недоверчивом отношении к народу»*, признав вместе с тем, что *«такую тонкую организацию, как университеты, нельзя ломать»*¹⁹. Совещанием была принята компромиссная резолюция. Она признавала за университетом *«полную свободу преподавания наук и проведения взглядов и идей всякого направления»*, предоставляла студентам право на участие в управлении университетом с решающим голосом по всем вопросам, кроме избрания профессоров и преподавателей и присуждения учёных степеней, оставляла открытым вопрос о сроках, на которые избирался профессор. В резолюции также говорилось о необходимости обсуждения проекта реформы высшей школы на местах и последующего созыва нового совещания²⁰.

Однако уже 2 августа 1918 г., не дожидаясь созыва второго совещания по реформе высшей школы и начала нового учебного года, Совнарком издал декрет «О правилах

¹⁹ ГАРФ. Ф. 2306, оп. 18, д. 28, л. 88.

²⁰ Там же. Л. 92.

приёма в высшие учебные заведения РСФСР» и постановление «О преимущественном приёме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства». Согласно им, право поступления в высшие учебные заведения получили все лица старше 16 лет, вне зависимости от наличия школьного образования, отменялись вступительные экзамены. Если до издания декрета в Московский университет было подано 2632 заявления о поступлении при наличии 2350 мест, то после 2 августа – более 5800 заявлений [3].

4–8 сентября состоялось второе Всероссийское совещание по реформе высшей школы, отличавшееся ещё более острой конфронтацией между большинством представителей профессуры и сторонниками реформ, предлагаемых наркоматом просвещения. Мензбир на этот раз на совещании не выступал. Большинство участников совещания призывало к сохранению университетской автономии, выступало против упразднения должности ректора и введения коллегиального управления во всех подразделениях университетов, а также против упразднения учёных степеней. Несмотря на это, уже 1 октября был издан декрет Совнаркома «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений РСФСР», отменявший все учёные степени и звания и вводивший для всех преподавателей высших учебных заведений единое звание профессора [13, 15].

Согласно этому декрету, все профессора, имевшие более 10 лет стажа, с 1 января 1919 г. выбывали из состава преподавателей и могли быть вновь избраны на освобождённую ими кафедру лишь по всероссийскому конкурсу. Во исполнение этого декрета в конце 1918 г. все ректоры высших учебных заведений и деканы факультетов ушли в отставку, уступив свои должности профессорам, не имевшим 10-летнего стажа. Это касалось и Мензбира, уступившего должность ректора Московского университета В.С. Гулевичу (который занимал эту должность всего 2 месяца и в марте 1919 г. перешёл на работу в Московский коммерческий институт) [10].

Спустя полтора года с университетской автономией в Советской России было окончательно покончено, выборность ректоров высших учебных заведений временно упразднена. Мензбир к этому времени сосредоточился исключительно на научной работе.

Итоги ректорства М.А. Мензбира. Несмотря на революционные потрясения, мешавшие нормальному осуществлению учебной деятельности, и тяжёлое материальное положение университета, его руководству в 1918 г. удалось провести некоторые мероприятия по сохранению его структуры. После того, как в феврале 1918 г. вышло постановление Наркомата просвещения о ликвидации юридических факультетов университетов «ввиду совершенной устарелости учебных планов», Совет Московского университета во главе с Мензбиром добился разрешения на реорганизацию его юридического факультета в факультет общественных наук. Реорганизация завершилась уже в 1919 г.; в ходе неё кафедры политической экономии, статистики, финансового права, международного права и русского государственного права временно перешли в ведение историко-филологического факультета. Реорганизации подверглись и другие факультеты. На биологическом отделении физико-математического факультета открылась кафедра низших растений, кафедра географии и этнографии была разделена на две кафедры – географии и антропологии. На медицинском факультете кафедра фармации вошла в состав кафедры фармакологии, к учебно-вспомогательным учреждениям университета был присоединён Травматологический институт²¹.

²¹ Там же. Ф. 2306, оп. 18, д. 5, л. 6.

Благодаря ходатайствам Совета Московского университета под председательством Мензбира 6 сентября 1918 г. наркоматом просвещения было издано постановление, предоставлявшее преподавателям высших учебных заведений, чьи жилые квартиры «уплотнились», право на сохранение дополнительной комнаты сверх нормы в качестве рабочего кабинета. Удовлетворены были также ходатайства Совета об освобождении университетских преподавателей от призыва на службу в Красную Армию²².

Ректор Московского университета ходатайствовал также о признании домового университетского Храма Мученицы Татианы приходской церковью Университетского района и отказе от его закрытия, однако этого добиться не удалось. Храм был закрыт 16 августа 1918 г. во исполнение изданного в январе декрета Совнаркома «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Впоследствии, в июле 1919 г., Совнарком постановил предать Мензбира и нового ректора Московского университета М.М. Новикова суду Московского революционного трибунала за саботаж декрета об отделении церкви от государства, выразившийся в том, что из здания закрытого храма не были убраны иконы, лампы и другие предметы культа. Впрочем, вскоре обвинение было признано несостоятельным и снято [14].

М.А. Мензбир после отставки с должности ректора. В 1920-е гг. М.А. Мензбир продолжал читать в университете курс лекций по зоогеографии и сравнительной анатомии и руководить основанной им лабораторией. В этот период в частной переписке со своим преемником на посту ректора МГУ М.М. Новиковым, который в 1922 г. был выслан в Германию на «философском пароходе», Мензбир негативно отзывался о проведённой советской властью университетской реформе, жаловался на «безграмотность современного студенчества» и даже заявлял о намерении покинуть университет [12]. Тем не менее, Мензбир продолжал работать в МГУ до конца жизни. Во второй половине 1920-х гг. он редактировал издание полного собрания сочинений Ч. Дарвина. В 1929 г. был избран действительным членом АН СССР, после чего перевёл из МГУ в Академию наук свою лабораторию зоогеографии. За год до смерти опубликовал одну из главных своих научных работ «Очерк истории фауны Европейской части СССР». Скончался 10 октября 1935 г. В день похорон М.А. Мензбира в МГУ был объявлен траур и отменены занятия на биологическом факультете [10].

Заключение. М.А. Мензбину не посчастливилось – ему довелось руководить Московским университетом в один из самых сложных и проблемных периодов его истории. Отстаиваемые им принципы либерального академизма оказались несовместимы с затронувшими университет революционными преобразованиями всех сторон жизни общества. Попытки ректора отстоять университетскую автономию в конечном итоге оказались безуспешными. Но несмотря на все потрясения, под руководством М.А. Мензбира Московский университет продолжал осуществлять свою научную и учебную деятельность.

Источники финансирования. Работа выполнена в рамках государственного задания Музея землеведения МГУ им. М.В. Ломоносова по научной теме АААА-А16-116042710030-7 «Музееведение и образование музейными средствами в области наук о Земле».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврус А.И. Власть и университеты в России // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2003. № 10. С. 207–218.
2. Академик М.К. Любавский и Московский университет. М.: Парад, 2005. 280 с.
3. Бутягин А.С., Салтанов Ю.А. Университетское образование в СССР. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 296 с.

²² ГАРФ. Л. 7.

4. Дементьев Г.П. Михаил Александрович Мензбир, 1855–1935: Биографический очерк. М.: Изд-во МГУ, 1950. 40 с.
5. История Московского университета: в 2 тт. Т. 2. 1917–1955. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. 456 с.
6. Колотилова Н.Н., Исаев И.А., Смурова Т.Г., Снакин В.В. Две даты в жизни Московского университета: 1911/1917. Возвращение. М.: МАКС Пресс, 2019. 44 с.
7. Мензбир М.А. Московский университет в ноябре 1917 года // Московский архив. 1996. Вып. 1. С. 485–488.
8. Мензбир М.А. Речь ректора Московского университета заслуженного профессора М.А. Мензбира, сказанная на заседании совещания по реформе высшей школы. М., 1918. 6 с.
9. Памяти академика Михаила Александровича Мензбира: Сборник статей. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 640 с.
10. Ректоры Московского университета / Сост. В.В. Ремарчук. М.: МАЛП, 1996. 272 с.
11. Росина Н.Я. Михаил Александрович Мензбир, 1855–1935. Л.: Наука, 1985. 224 с.
12. Ульянкина Т.И. Ректоры Московского университета: М.А. Мензбир и М.М. Новиков. Переписка 1920–1930 гг. // Люди и судьбы русского зарубежья. М.: Изд-во Ин-та всеобщей истории РАН, 2011. С. 44–56.
13. Учёные записки Московского государственного университета. Вып. 51. История. Очерки по истории Московского университета. Ч. 2. М.: МГУ, 1940. 126 с.
14. Сорокин А.К. Судный Татьянин день: как советская власть боролась с любимым храмом российского студенчества // Родина. 2018. № 4. С. 116–123.
15. Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М.: Высшая школа, 1988. 255 с.

REFERENCES

1. Avrus, V.I., “Power and universities in Russia”, *Dialog so vremenem: almanakh intellectualnoy istorii* [Dialogue with Time: An almanac of intellectual history] **10**, 207–218 (2003) (in Russian).
2. Academician M.K. Lubavsky and Moscow University (Moscow, 2005) (in Russian).
3. Butiagin, A.S., Saltanov, U.A., *University education in the USSR* (Moscow, 1957) (in Russian).
4. Dementiev, G.P., *Mikhail A. Menzbier, 1855–1935: Biographical sketch* (Moscow, 1950) (in Russian).
5. *History of Moscow University in 2 vols. V. 2. 1917–1955* (Moscow, 1955) (in Russian).
6. Kolotilova, N.N., Isaev, I.A., Smurova, T.G., Snakin, V.V., *Two dates in the life of Moscow University: 1911/1917. Return* (Moscow, 2019) (in Russian).
7. Menzbier, M.A., “Moscow University in November 1917”, *Moskovskiy arkhiv* [Moscow archive] **1**, 485–488 (1996) (in Russian).
8. Menzbier, M.A., *Speech by the rector of Moscow University, honored professor M.A. Menzbier, given at a meeting of the conference on the reform of higher education* (Moscow, 1918) (in Russian).
9. *In memory of Academician Mikhail A. Menzbier: Collection of articles* (Moscow, Leningrad, 1937) (in Russian).
10. *Rectors of Moscow University* (Moscow, 1996) (in Russian).
11. Rosina, N.Y., *Mikhail A. Menzbier, 1855–1935* (Leningrad, 1985) (in Russian).
12. Ulyankina, T.I., “Rectors of Moscow University: M.A. Menzbier and M.M. Novikov. Correspondence of 1920–1930”, *Lyudi i sud'by russkogo zarubezhya* [People and destinies of the Russian diaspora], 44–56 (Moscow, 2011) (in Russian).
13. *Scientific notes of Moscow State University. History. Essays of the history of Moscow State University* **51** (2) (Moscow, 1940) (in Russian).
14. Sorokin, A.K., “Tatyana’s Day of Judgement: How the Soviet government fought against the beloved temple of Russian students”, *Rodina* [Homeland] **4**, 116–123 (2018) (in Russian).
15. Chanbarisov, S.H., *Formation of the Soviet University system* (Moscow, 1988) (in Russian).